DOI: 10.52173/2079-1100_2025_3_58

Виталий Геннадьевич АНАНЬЕВ

| И. И. Иоффе в Институте сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока / Государственном институте речевой культуры (1927–1935) (По архивным материалам) |

Виталий Геннадьевич АНАНЬЕВ

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48
Профессор кафедры искусствоведения и педагогики искусства
Доктор культурологии
ORCID: 0000-0001-7413-6339
E-mail: vgananev@herzen.spb.ru

И. И. ИОФФЕ В ИНСТИТУТЕ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКОВ ЗАПАДА И ВОСТОКА / ГОСУДАРСТВЕННОМ ИНСТИТУТЕ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ (1927–1935) (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)*

В статье рассматривается эпизод из научной биографии Иеремии Исаевича Иоффе (1888–1947) – видного отечественного историка и теоретика искусства, одного из непосредственных предтеч отечественной культурологии. В центре внимания автора статьи находится служба И. И. Иоффе в Институте сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока / Государственном институте речевой культуры в 1927–1935 гг. Этот научно-исследовательский институт являлся одним из важнейших центров гуманитарной науки Ленинграда и объединял в своих стенах ученых различной методологической направленности, работавших над общими исследовательскими темами. В 1927 г. в жизнь начал активно проводиться процесс советизации института, в связи с чем встал вопрос укрепления его состава марксистскими кадрами. В таком контексте И. И. Иоффе стал научным сотрудником института первого разряда, что, вероятно, было связано с приглашением сюда на руководящую должность его учителя и патрона В. А. Десницкого. Автор статьи, опираясь на материалы из Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб), Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), Санкт-Петербургского филиала Архива РАН и ряда других архивов, реконструирует деятельность И. И. Иоффе в этом институте.

Ключевые слова: И. И. Иоффе, Институт сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока, Государственный институт речевой культуры, В. А. Десницкий, культурология, история культурологии.

** Исследование выполнено при поддержке внутреннего гранта РГПУ им. А. И. Герцена «Формирование методологических основ научного искусствознания в Герценовском университете (1920–1960-е гг.): антропология знания».*

Имя Иеремии Исаевича Иоффе (1888–1947) принадлежит к числу имен, которые вспоминаются первыми, когда речь заходит о предтечах отечественной традиции культурологии. Сам использовавший понятие «культуроведение»[1], И. И. Иоффе является не только автором работ, в которых еще в 1920–1940-е гг. предпринимались попытки целостного рассмотрения феноменов искусства в рамках обобщающей парадигмы культуры, но и учителем Моисея Самойловича Кагана, который, в свою очередь, в 1970–1990-е гг. во многом завершил процесс выделения этой исследовательской парадигмы в особое дисциплинарное поле культурологии как науки. Научное наследие И. И. Иоффе, опреде-

[1] Иоффе, И. И. Культура и стиль. Система и принципы социологии искусств. Литература, живопись, музыка натурального, товарно-денежного, индустриального хозяйства. – Л.: Прибой, 1927. – С. 3.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

ленно, представляет в настоящее время отнюдь не исключительно историографический интерес, но может и должно быть актуализировано. При этом принципиально важным представляется понимание того конкретно-исторического (в том числе, и институционального) контекста, в котором создавались труды ученого. Это невозможно без обращения к его биографии, а последнее требует изучения архивных материалов, все еще не введенных в научный оборот в достаточной степени. В настоящей краткой статье рассмотрим один из эпизодов научной биографии И. И. Иоффе, прежде в научной литературе не освещавшийся, однако интересный и сам по себе, и как свидетельство некоторых более общих аспектов его биографии. Опираясь на материалы ряда архивов Санкт-Петербурга, постараемся проследить основные факты и обстоятельства, связанные со службой И. И. Иоффе в ленинградском Институте сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока и его преемниках – Государственном институте речевой культуры и Ленинградском научно-исследовательском институте языкознания (далее – Институт). Предварительно, однако, следует сказать несколько слов о самом этом учреждении.

Хотя Институт и являлся одним из наиболее важных центров отечественной гуманитарной науки в Петрограде-Ленинграде в первое послереволюционное десятилетие, его история все еще изучена фрагментарно. За исключением одной обобщающей статьи К. Брандиста[2], предметом изучения в историографии становились, как правило, лишь отдельные направления его работы – библиографические штудии[3], классическая филология[4], социолингвистика[5], история отечественной литературы XVIII в.[6] В статье, посвященной последней из названных тем, П. А. Дружинин впервые с опорой на архивные материалы привел и точные данные относительно обстоятельств создания Института.

Формально Институт возник как результат более обширной программы создания при университетах (в частности, Петроградском) специализированных научно-исследовательских институтов, развернутой Наркомпросом в 1921 г.[7] Институт, посвященный филологии, оказался в итоге единственным жизнеспособным из всех, созданных тогда при Петроградском университете. Последнее объяснялось тем, что в данном случае власти не создавали совершенно новое учреждение, а институционально оформляли то, что полустихийно возникло на факультете общественных наук еще в 1919 г. как Институт сравнительного изучения

[2] Brandist, C. The Institute for the Comparative History of the Literatures and Languages of the West and East (ILIaZV) // Central and Eastern European Literary Theory and the West. – Berlin; Boston: De Gruyter, 2022. – P. 152–163.

[3] Прозорова, Е.И. Литературно-библиографическая деятельность Научно-исследовательского института сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока (1921–1930 гг.) // Библиотековедение. – 2010. – № 3. – С. 38-44.

[4] Скворцов, А.М. Классическая филология в Институте сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока: Институциональный аспект // Индоевропейское языкознание и классическая филология. – 2023. – № 27-2. – С. 1049-1066.

[5] Brandist, C. Sociological Linguistics in Leningrad: The Institute for the Comparative History of the Languages and Literatures of the West and East (ILIaZV) 1921–33 // Russian Literature. – 2008. – Vol. 63. Pt. 2–4. – P. 171–200.

[6] Дружинин, П.А. Изучение русской литературы XVIII века в 1920-е годы (Группа XVIII века в ИЛЯЗВ и ГИРК) // Русская литература. – 2015. – № 2. – С. 230–241.

[7] Купайгородская, А.П. Недолгая жизнь Исторического научно-исследовательского института в Петроградском университете (1921–1923 гг.) // Страницы российской истории. Проблемы, события, люди. Сборник статей в честь Бориса Васильевича Ананьича. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – С. 302–308.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

литературы имени А. Н. Веселовского[8]. Эта «академическая надстройка» над университетом включала сотрудников, разделенных на три категории – действительных членов и научных сотрудников первого и второго разряда, последние из которых впоследствии были переименованы в аспирантов[9]. В 1923 г. была проведена реорганизация, в ходе которой за Институтом была закреплена самостоятельная научная деятельность, что уменьшило его связь с университетом[10]. В 1926 г. Институт ввели в структуру Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (созданной годом раньше, в 1925 г.), что означало больший контроль над его деятельностью со стороны Москвы. Уже в марте 1926 г. Президиум РАНИОН инструктировал Институт о необходимости актуализировать научную работу, ввести семинар по марксизму для аспирантов и уделять большее внимание требованиям современной жизни[11]. С мая 1927 г. производственный план Института должен был утверждаться в РАНИОН[12].

К этому времени Институт состоял из двух отделений – языка и литературы, каждое из которых делилось на ряд тематических секций. Так, в соответствии с предварительным проектом производственного плана на 1927–1928 г., отделение литературы включало в себя восемь секций: методологии литературы, исторической поэтики, международного литературного обмена, литератур древних, восточных, романо-германских, славянских, русской[13]. Задача секции методологии литературы определялась как «учет достижений предшествующей литературно-теоретической мысли и дальнейшая разработка вопросов литературоведения на основе диалектического материализма»[14]. Последнее было более чем актуальным в свете включения Института в систему РАНИОН и тех изменений в жизни научного сообщества, которые были вызваны общим наступлением партийно-государственной системы на науку. Но связать научный поиск с диалектическим материализмом было невозможно без соответствующих кадров. Это привело к обновлению состава Института.

Позже, в декабре 1930 г., на общем собрании сотрудников и аспирантов Института совместно с комиссией Рабоче-крестьянской инспекции по чистке учреждения Л. П. Якубинский (тогда ученый секретарь, а вскоре – директор новообразованного на базе старого института Государственного института речевой культуры) так вспоминал об этом времени и его месте в общей истории учреждения: с 1923 по 1926–1927 гг. продолжался первый период жизни Института, когда он представлял собой не самостоятельное учреждение, а большое научное общество, распадающееся на секции. Тогда предполагалось сосредоточить около Института все языки и литературы народов Востока и Запада, всех крупных ученых литературоведов и лингвистов: «Осуществить этого не удалось, главным образом, из-за недостатка материальной базы». И, что особенно важно в этом ретроспективном взгляде, Л. Н. Якубинский констатировал: «С методологической точки зрения в этот период в Институте господствовали фор-

[8] Дружинин, П.А. Изучение русской литературы XVIII века в 1920-е годы (Группа XVIII века в ИЛЯЗВ и ГИРК). С. 232–233.
[9] Там же. С. 233–234.
[10] Там же. С. 234.
[11] Brandist, C. The Institute for the Comparative History of the Literatures and Languages of the West and East (ILIaZV). P. 153.
[12] Ibid.
[13] Производственный план на 1927/28 год // ЦГАЛИ СПб. – Ф. 288. – Оп. 1. – Д. 39. – Л. 7.
[14] Там же. Л. 7 об.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

малисты, идеалисты». А вот в 1927 г., по его словам, уже стало понятно, что «нет науки вне политики», и тогда в Институте началась борьба с идеалистами и механистами. Последний период в жизни института начался в 1928 г. и проходил под лозунгом «лицом к общественности»[15].

В таких обстоятельствах здесь и появился И. И. Иоффе, начавший научную деятельность всего несколько лет назад, но к 1927 г. уже зарекомендовавший себя как ученый, склонный к теоретическим поискам в русле марксистской методологии. При этом, можно предположить и то, каковы были конкретные обстоятельства его приглашения.

26 января 1927 г. коллегия Института постановила привлечь к работам по методологии литературы В. А. Строева-Десницкого, И. Иоффе, М. Г. Майзеля и Е. Я. Рабинович. Двух последних наметили в сверхштатные научные сотрудники второго разряда, В. А. Десницкого в штатные действительные члены, а И. И. Иоффе в научные сотрудники первого разряда[16]. М. Г. Майзель и Е. Я. Рабинович (Мустангова) были начинающими критиками, активно писавшими на актуальные темы советской литературы. В академической среде они почти никак себя еще не зарекомендовали, но с учетом нового поворота в кадровой и исследовательской политике Института были более чем полезны[17]. Иное дело Василий Алексеевич Десницкий (Строев – один и его литературных псевдонимов) (1878–1958). Революционер с большим опытом подпольной работы, друг Максима Горького, член РСДРП, выпускник Дерптского университета, после 1917 г. он полностью отошел от политической деятельности и посвятил себя работе в области преподавания и изучения русской литературы. Он был одним из основателей Третьего педагогического института в Петрограде, ставшего в 1923 г. базой для создания Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена (далее – ЛГПИ). Занимал там должности проректора, декана, заведующего отделением и кафедрой, профессора. Вполне успешной академической карьере не помешало даже решение (вскоре отмененное) о высылке его в Вологду в начале 1920-х гг. Но, что особенно важно для нас, именно В. А. Десницкий был учителем окончившего ЛГПИ в 1923 г. И. И. Иоффе. Именно он ходатайствовал о его оставлении там же для преподавательской деятельности, он же рекомендовал и для зачисления на преподавательскую работу в Коммунистический университет им. Зиновьева, где по совместительству какое-то время заведовал сектором языка и литературы и в организации которого принимал участие[18]. Точно так же, вслед за В. А. Десницким начал И. И. Иоффе преподавать и в Петроградском университете. Можно предположить, что, когда из Института последовало предложение прийти сюда на штатную ставку действительного члена, В. А. Десницкий вспомнил о своем талантливом ученике и спротежировал и его приглашение. Показательно, что в выписке из заседания Коллегии Института Иоффе был упомянут даже без отчества, что может указы-

[15] Материалы по чистке аппарата // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 48. – Л. 12 об.-13.
[16] И.И. Иоффе // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 2. – Д. 102. – Л. 1.
[17] Они оба будут арестованы в 1936 г. в составе сфабрикованного спецслужбами дела «группы Г. Горбачева» – Ленинградских литераторов, якобы причастных к убийству С.М. Кирова. В 1937 г. расстреляны на полигоне в Сандармахе. В 1956 г дела за отсутствием состава преступления были прекращены и оба критика (как и их «однодельцы») реабилитированы.
[18] Десницкий В.А. Материалы к биографии // Музей истории РГПУ им. А.И. Герцена. – Д.-8 (Десницкий В.А.). – Л. 98.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

вать на слабое знакомство с ним приглашавших.

Сам В. А. Десницкий в области методологии изучения литературы к началу 1927 г. обилием работ похвастаться не мог. За его авторством пока числилась всего одна, но весьма актуальная для создавшихся условий книга – сборник статей и выдержек из более крупных работ классиков марксизма, посвященных проблемам искусства и литературы. Подготовленная в середине 1920-х гг., она создавалась в условиях, когда канонический вариант советского марксизма еще не был сформулирован, и содержала фрагменты текстов не только Ленина и Маркса, но и Г. Плеханова, Ф. Меринга и К. Каутского. А в кратком предисловии от составителя и вовсе констатировалось: «В книгах и статьях по вопросам искусства Луначарского, Троцкого, Аксельрода, Гаузенштейна, Воронского, Арватова, Лелевича, Аскольдова и др., в общих работах по историческому материализму (например, у Бухарина) читатель найдет много ценного, много остроумных постановок вопросов и интересных достижений, освещающих вопросы и теории, и практики искусства»[19]. Очень скоро упоминания даже одного из перечисленных в рекомендации составителя имен будет достаточно для перемещения книги в спецхран. Пока же это было возможно и сборник оказывался весьма полезным для перестройки работ по методологии изучения литературы. У И. И. Иоффе же в 1925 г. вышла небольшая книжка на тему «Кризис современного искусства», написанная как раз по результатам занятий со студентами Коммунистического университета. Методологии литературы в ней было немного. Едва ли в случае с приглашением в филологическое учреждение дело обошлось без протекции учителя. А в учителе Институт был явно заинтересован.

Как отмечалось в отчете группы методологии литературы за 1926–1927 гг., «[з]адачей группы явилось укрепление научного материалистического (марксистского) литературоведения в ИЛЯЗВ. Организация ее была поручена временному Президиуму в составе В. А. Десницкого-Строева, Г. Е. Горбачева и Н. В. Яковлева. На организационном собрании 26 февраля 1927 г. обнаружилось расхождение с академическим меньшинством, не пожелавшим признать полномочий Президиума как временного, на организационный период. В виду этого в тот же день состоялось повторное собрание, на котором группа была образована»[20]. Можно предположить, что эта констатация относится к событию, которое гораздо более ярко и детально нашло отражение в воспоминаниях другого сотрудника Института, филолога-классика О. М. Фрейденберг, дружившей с И. И. Иоффе в 1930–1940-е гг. Опубликовавшая этот фрагмент Н. В. Брагинская атрибутировала его как описание диспута с формалистами, имевшего место в Институте в 1927 г. Но, как кажется, с учетом того, что именно с формалистами и «прочими идеалистами» и начали борьбу в Институте в это время, а они «засели» и в секции методологии литературы[21], а также с учетом упомянутых в воспоминаниях «выбранных», данное описание вполне может относиться и к «переформа-

[19] Десницкий, В.А. Предисловие // Введение в изучение искусства и литературы. Сборник статей и отрывков из произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. Плеханова, В. Ленина, К. Каутскго и Ф. Меринга. Составил В.А. Десницкий. – Л.: Государственное издательство, 1925. – С. 5.

[20] Отчеты о работе института по секциям и индивидуальные отчеты научных сотрудников за 1926/27 годы // ЦГАЛИ СПб. – Ф. 288. – Оп. 1. – Д. 28. – Л. 31.

[21] Брагинская, Н.В. Siste, Viator! (Предисловие к докладу О.М. Фрейденберг «О неподвижных сюжетах и бродячих теоретиках») // Одиссей. Человек в истории. – М.: Наука, 1995. – С. 268–269, прим. 32.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

тированию» группы методологии литературы. Вот оно: «По-видимому это был 1926 год. Обе стороны готовились к знаменательной битве. Народа собралась масса. Когда я вошла в зал, ко мне подошел ученый секретарь Ник. Вас. Яковлев, грубейший чиновник, и ласково предупредил меня, что предстоят “особые” события, и чтоб я вернулась домой. Помню, я спросила его: “А кто вы такой?” Он недовольно отошел от меня, а я с заседания не ушла. То, чему я оказалась свидетелем, взволновало меня в сильнейшей мере. Происходила какая-то дискуссия, выборы куда-то, – я не разбиралась во всем этом. Но одно было ясно: те, кому я готова была сочувствовать, вели себя грубо, хамски, жульнически, а те, с кем я не имела ничего общего (формалисты), выступали корректно, доказательно и научно. Главное единоборство шло между Эйхенбаумом, умно и прекрасно говорившим, и Десницким, за которого приходилось краснеть. Многочисленная аудитория была раскалена. И вдруг, в разгар битвы, Десницкий провел голосование: кто за формалистов, кто против. Вся картина была до того возмутительна по шантажу и грубым передержкам, что я в горячем возбужденье подняла руку за формалистов. Но тут произошло что-то совсем неожиданное. “Большинство против формалистов!” – объявил Десницкий лживо, не произведя подсчета. – Заседание объявляю закрытым. Прошу всех, кроме выбранных, оставить зал”. Околпаченная публика тщетно кричала и волновалась. Дело было сделано. Я вышла из зала с чувством негодования. Никогда ничего подобного я не могла себе представить»[22].

Как бы то ни было с точной атрибуцией описываемых О. М. Фрейденберг событий, ясно – И. И. Иоффе пришел на службу в Институт в тот момент, когда там предпринималась попытка «укрепления» (фактически же – создания) «марксистского литературоведения», пришел явно, как ученый, способный содействовать этому начинанию, и оказался здесь вновь под руководством своего старого патрона В. А. Десницкого, который и возглавил группу/секцию методологии литературы, а к началу 1928 г. стал и членом бюро коллегии Института, и председателем секции литературы, и главой подсекции методологии, и руководителем семинария по методологии литературы для аспирантов[23].

Научный сотрудник первого разряда И. И. Иоффе начал свою деятельность в Институте с доклада «Символизм как стиль», сделанного 21 марта 1927 г. на заседании группы «Литература и критика XX века». Как отмечалось в отчете: «На собраниях группы присутствовало в среднем от 10 до 15 человек постоянных участников, принимавших самое деятельное участие в прениях, и почти поголовно высказывавшихся». Впрочем, вполне возможно, что такое внимание публики скорее может быть отнесено к докладу упомянутого выше М. Г. Майзеля «К вопросу о порнографии и патологии в современной русской литературе», сделанному 9 мая 1927 г.[24] Надо полагать, доклад И. И. Иоффе носил более специальный характер и скорее представлял результаты работы, проделанной вне Института, т.к. в том же 1927 г. под эгидой Коммунистического университета в свет вышла его первая большая книга «Культура и стиль», фрагмент которой, судя по всему, и был озвучен

[22] Брагинская, Н.В. О работе О.М. Фрейденберг «Система литературного сюжета» // Тыняновский сборник. Вторые Тыняновские чтения. – Рига: Зинатне, 1986. – С. 274–275.

[23] В.А. Десницкий // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 2. – Д. 78. – Л. 3, 5, 6 об.

[24] Отчеты о работе института по секциям и индивидуальные отчеты научных сотрудников за 1926/27 годы // ЦГАЛИ СПб. – Ф. 288. – Оп. 1. – Д. 28. – Л. 36.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

в марте в Институте[25]. Если обратиться к рукописному проекту личного состава Института, то можно увидеть, что И. И. Иоффе и намечался к приглашению как научный сотрудник «по новой русской литературе»[26]. Так что проблематика символизма в общем укладывалась в эти рамки, хотя, конечно, и имела скорее ретроспективный характер как анализ уже изжитых тенденций в отечественной литературе, к тому же рассмотренных в более широком контексте зарубежного искусства.

К концу года в Институте произошли новые изменения. Так, 9 декабря 1927 г. президиум РАНИОН постановил, заслушав доклад Комиссии по обследованию работы Института, для руководства его текущей и общеорганизационной работой выделить в составе институтской Коллегии специальное Бюро, состоящее из трех человек: Н. С. Державина (директора), В. А. Десницкого и Н. В. Яковлева. При упрощении структуры учреждения были организованы всего две секции: языка и литературы. В рамках последней выделялись подсекция методологии литературы и кабинет библиографии. Н. В. Яковлев и В. А. Десницкий вошли и в состав президиума секции (вместе с Г. Е. Горбачевым, В. Ф. Шишмаревым и В. Н. Волошиновым), а И. И. Иоффе был утвержден по секции литературы научным сотрудником первого разряда[27]. Последнее, вероятно, было проведено на половину ставки[28]. В связи с этим утверждением он был приглашен 28 декабря 1927 г. в зал совета ЛГУ на собрание Совета Института, где должен был быть заслушан доклад директора о реформе, произведенной в Институте. В приглашении оговаривалось: «По поручению Коллегии прошу Вас подготовить к этому дню свои предложения об участии в работе ИЛЯЗВ»[29].

Надо полагать, что принципиально важным для Института было то, что в своем научном творчестве И. И. Иоффе активно пытался применять к анализу феноменов искусства социологический метод (единства мнений о сути которого, впрочем, в тот период в отечественной науке не было). Например, в проекте производственного плана на 1927–1928 г. по секции методологии литературы в числе коллективных работ, наряду с учетом высказываний о литературе классиков марксизма, историей русской марксистской критики и темой «Плеханов и французская литературная наука», значилась и тема «Социология стиля», которую должны были вести научный сотрудник первого разряда И. И. Иоффе и аспирант В. Н. Волошинов[30]. В производственном плане на следующий 1928–1929 г. значились уже индивидуальные работы В. Н. Волошинова «Социологическая поэтика» и И. И. Иоффе «Социология литературного стиля»[31]. Хотя в черновике плана (машинопись с пометами красным карандашом) они были даны еще обобщенно: «индивидуальные темы: 1) социологическая поэтика: В. Н. Волошинов, И. И. Иоффе, П. Н. Медведев, Н. В. Яковлев и др.)»[32].

Имя Валентина Николаевича Волошинова хорошо известно в истории отечественной

[25] Проблеме символизма был посвящен третий параграф третьей главы монографии.
[26] Список научных сотрудников // ЦГАЛИ СПб. – Ф. 288. – Оп. 2. – Д. 19. – Л. 2.
[27] Переписка с Российской ассоциацией научно-исследовательских институтов общественных наук о назначении и перемещении сотрудников // ЦГАЛИ СПб. – Ф. 288. – Оп. 2. – Д. 21. – Л. 16.
[28] И.И. Иоффе // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 2. – Д. 102. – Л. 2.
[29] Там же.
[30] Производственный план на 1927/28 год // ЦГАЛИ СПб. – Ф. 288. – Оп. 1. – Д. 39. – Л. 7 об.
[31] Там же. Л. 41.
[32] Там же. Л. 68.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

лингвистики как имя одного из членов «Круга Бахтина», хотя его роль в нем и авторство ряда его работ все еще активно дискутируются[33]. В воспоминаниях упоминавшейся выше О. М. Фрейденберг есть уже неоднократно приводившийся в литературе фрагмент о нем, который дает яркое представление об особенностях институционального (а отчасти, и этического) контекста, в котором разворачивался рассматриваемый эпизод из биографии И. И. Иоффе. О. М. Фрейденберг писала: «Десницкий, неизменно разнося меня за “яфетидологию” и устремление к прошлому, в то же время ценил меня и любил. Его правой рукой был Н. В. Яковлев, смещенный ученый секретарь. В свою очередь Яковлев имел свою правую руку. Это был Волошинов, изящный молодой человек и эстет, автор лингвистической книги, написанной ему Блохиным. Этот Волошинов цинично предлагал мне, чтоб я за него и на него работала, а он за то будет продвигать меня через Яковлева и Десницкого. Я отказалась – и наши отношения сделались холодны, как лед»[34]. П. Н. Медведев, также планировавшийся к разработке вопросов социологической поэтики, тоже входил в «круг Бахтина» и, возможно, способствовал устройству В. Н. Волошинова в аспирантуру Института. О непосредственных контактах с ними И. И. Иоффе ничего неизвестно, но совершенно очевидно, что, работая вместе (причем не только в Институте, но и в ЛГПИ, где все они служили на одной кафедре), они не могли не знать об идеях друг друга, должны были слушать доклады коллег и принимать участие в их обсуждении[35]. И если О. М. Фрейденберг имени М. М. Бахтина не знала, почему и назвала его в своих воспоминаниях Блохиным, работавший с двумя ближайшими членами бахтинского круга над одной общей темой И. И. Иоффе должен был быть в курсе хотя бы общих идей этого научного сообщества. Конечно, знакомство не означает влияния. Оно в работах И. И. Иоффе никак не прослеживается. Однако и сам факт знакомства достаточно важен. Как справедливо отмечает К. Брандист, Институт «был особенно интересен, т.к. здесь в рамках общих исследовательских проектов проходили обмены между теми, кто стремился развивать разные тренды в науке»[36].

В 1927–1928 г. И. И. Иоффе выступил в Институте с авторефератом своей недавно вышедшей книги «Культура и стиль» и докладом на тему «Материал и конструкция фразы»[37]. Вероятно, к этому же периоду относится и сохранившееся в одной из его анкет свидетельство: «Работал в двух секциях: методологической и истории литературы. Прочитал два доклада»[38]. В октябре 1928 г. Государственный ученый совет утвердил его в должности штатного научного сотрудника первого разряда с половинным окладом[39]. В схеме индивидуального годового отчета по институту, датированной, судя по всему, тем же годом, указана как сданная в печать статья «Художественная культура» в «Художественной энциклопедии под редакци-

[33] См., напр.: Алпатов, В.М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. – М.: Издательский дом ЯСК, 2005.
[34] Брагинская, Н.В. Между свидетелями и судьями. Реплика по поводу книги В.М. Алпатова. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М. Языки славянских культур, 2005. URL: http://freidenberg.ru/sites/freidenberg.ru/files/mezhdu_svidetel jami_i_sudjami.doc (дата обращения: 06.08.2025).
[35] См. также: Brandist, C. The Institute for the Comparative History of the Literatures and Languages of the West and East (ILIaZV). P. 157–161.
[36] Ibid. P. 155.
[37] И.И. Иоффе // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 2. – Д. 102. – Л. 4 об.
[38] Там же. Л. 5.
[39] Там же. Л. 6.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

ей Луначарского»[40]. Вероятно, она так и не была опубликована, хотя о встрече И. И. Иоффе с наркомом просвещения А. В. Луначарским вспоминал в 1947 г. на заседании, посвященном памяти ученого, его ближайший ученик М. С. Каган[41]. В апреле 1929 г. И. И. Иоффе был вновь утвержден Бюро Президиума РАНИОН штатным научным сотрудником первого разряда Института[42]. Вероятно, в том же году в Институте он сделал доклад на тему «Стиль и жанр “Мертвых душ”», а в Научном обществе марксистов – «Законы культуры и историзм»[43]. 29 декабря 1930 г. в отчете о работе за 1929–1930 г. он писал, что участвовал в работе секций методологии литературы и социологической поэтики и прочитал доклад «Функция и форма в литературоведении», являющийся главой подготовленной к печати работы «Стиль и жанр»[44]. Судя по всему, доклад стал основой статьи, опубликованной И. И. Иоффе в 1931 г. в журнале Института литературы, искусства и языка Комакадемии «Литература и искусство»[45] и вызвавшей там активную дискуссию. Интересен контекст, в котором прозвучал этот доклад. В годовом отчете Института за 1929–1930 г. отмечалось, что в группе социологической поэтики за отчетный период были прочитаны доклады, которые «имели задачей проработать и установить на социологической базе основные понятия, которыми оперирует поэтика (“форма”, “жанр”, “сюжет” и т.п.) с одной стороны, и, с другой – она наметила возможную увязку с яфетидологией (доклад О. М. Фрейденберг)». Последний назывался «Терсит. К вопросу о палеонтологии сюжета», а среди первых был и доклад В. Н. Волошинова – «О границах поэтики и лингвистики»[46].

Тот же 1930 г. стал и последним годом существования Института в прежнем виде. В мае 1930 г. его перевели из помещений ЛГУ в здание по адресу площадь Воровского (бывшая – Исаакиевская), д. 5. О важности этой локации еще будет сказано ниже. Чуть позже сменилось и его название – теперь он стал называться Государственным институтом речевой культуры[47].

Н. В. Брагинская так пишет об этом периоде в истории Института: «… летом 1930 г. Наркомат Просвещения переименовал ИЛЯЗВ в Государственный институт речевой культуры. Переименование не было формальным, за ним стояло изменение и состава института, количественного и качественного – он сократился в несколько раз, из него были удалены и ушли сами крупные ученые и старые академики <…> и пришли “аспиранты”, социально отфильтрованные комсомольцы и партийцы <…> возникает советское научное учреждение»[48]. Степень советсткости, да и сам смысл этого определения, обсуждать сейчас не будем. Уточним фактическую сторону дела.

В новом учреждении было образовано четыре сектора и несколько кабинетов. Сектором методологии литературоведения вновь ру-

[40] Там же. Л. 8 об.
[41] Протоколы заседаний Ученого Совета факультета // ЦГА СПб. – Ф. 7240. – Оп. 14. – Д. 1319. – Л. 37 об.
[42] И.И. Иоффе // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 2. – Д. 102. – Л. 9.
[43] Там же. Л. 10.
[44] Там же. Л. 11.
[45] Иоффе, И.И. Функция и форма // Литература и искусство. Журнал марксистской критики и литературоведения. – 1931. – № 2-3. – С. 68–76.
[46] Годовой отчет ГИРК за 1929–1930 гг. // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 49. – Л. 16 об.
[47] Дружинин, П.А. Изучение русской литературы XVIII века в 1920-е годы (Группа XVIII века в ИЛЯЗВ и ГИРК). С. 240.
[48] Брагинская, Н.В. Siste, Viator! (Предисловие к докладу О.М. Фрейденберг «О неподвижных сюжетах и бродячих теоретиках»). С. 247.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

ководил В. А. Десницкий[49]. Целевая установка нового института была сформулирована весьма просто: «ИРК занимается изучением речи, начиная с более простых ее проявлений – речи разговорной – и кончая наиболее сложными формами (художественной литературой)»[50]. Секторы методологии языка и методологи литературы должны были заниматься вопросами методологии теории и истории соответствующей области[51]. И. И. Иоффе, как и многие другие сотрудники Института, работу в новосозданном учреждении продолжил.

Его научная специализация претерпевала в этот период определенные изменения. В первых списках сотрудников Института речевой культуры (1930 г.) он включался в список «сотрудников-литературоведов»[52] и даже указывался как просто литературовед, без конкретизации (как, например, и О. М. Фрейденберг), в то время как другие получали более четкие определение – так, С. Я. Лурье был обозначен как «литературовед (гебраист)», а Б. А. Ларин – «языковед (балт<ист>)»[53]. В списке на 1 июля 1931 г. область научных интересов И. И. Иоффе была конкретизирована как «история литературы»[54]. В отчете Института за 1930–1931 г. среди докладов по кабинету методологии литературы значились и два доклада И. И. Иоффе на тему «Теория “свободного искусства”». Причем основными линиями работы этого кабинета были обозначены остроактуальные: «1) изучение классиков марксизма, 2) проблемы социологической поэтики, 3) учет и критика современных западноевропейских теорий в области языка и литературы». Среди прочих сделанных там докладов в отчете значились выступления О. М. Фрейденберг на тему «Семантика “трагедии” и “комедии”» и «О бродячих сюжетах, заимствованьи и прочем», доклады И. Г. Франк-Каменцкого – «Проблема метафоры» и «Палеонтология сюжета “Тристан и Изольда”», доклад П. Н. Медведева – «Методологические предпосылки к теории художественного творчества», В. А. Десницкого – «“Мертвые души” как феодально-реставрационная поэма», В. Н. Волошинова – «Жанр и стиль художественного высказывания», и т.д.[55] Ударниками по кабинету признавались И. И. Иоффе, В. Н. Волошинов, О. М. Фрейденберг и И. Г. Франк-Каменецкий, причем особо оговаривалось: «В июне с.г кабине методологии взял на себя ведущую организационную роль в перестройке работ сектора литературы и выдвинул проект реорганизации, который и лег в основу планирования новых производственных планов на 1932 г.»[56].

Вообще, в первый год работы новосозданного Института работа в нем И. И. Иоффе была довольно активной. Он был прикреплен к кабинету литературного процесса, занятия которого проходили ежедекадно, антирелигиозной группе и кабинету творческого метода. Там его непосредственными коллегами были В. А. Десницкий, Н. В. Яковлев, И. Г. Франк-Каменецкий, А. А. Смирнов, М. К. Азадовский, Н. П. Андреев, Н. К. Козмин, Б. А. Кржевский, В. Е. Евгеньев-Максимов, А. Г. Фомин, П. Н. Берков, Н. Я. Берковский, В. Н. Волошинов, М. К. Клеман, С. Я. Лурье К. А. Пушкаре-

[49] Там же. С. 267, прим. 7.
[50] Материалы по чистке аппарата // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 48. – Л. 11 об.
[51] Там же.
[52] Списки и сведения по личному составу // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 39. – Л. 12.
[53] Там же. Л. 28.
[54] Там же. Л. 36.
[55] Годовой отчет за 1929–1930 гг.// СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 49. – Л. 67
[56] Там же. Л. 69.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

вич и О. М. Фрейденберг[57]. Вместе с О. М. Фрейденберг, И. Г. Франк-Каменецким и М. К. Клеман он входил в группу «Проблемы реализма». Президиумом Института вместе с В. Н. Волошиновым был прикреплен к русской группе кабинета литературы эпохи империализма и пролетарской революции, в которую кроме двух прикрепленцев входил только Г. Е. Горбачев[58], в октябре 1931 г. приглашенный в штат Института для руководства занятиями по новейшей и современной русской литературе[59]. В итоге, как отмечалось и самим руководством, «[п]ри выполнении этого поручения у тов. Иоффе получится значительная перегрузка»[60]. По группе русской литературы коллективной темой была заявлена «Пролетарская и мелкобуржуазная литература эпохи империалистических войн и пролетарской революции», а по антирелигиозной – «Борьба с религией на материале художественной литературы»[61]. В начале 1932 г. в план работы Института было поставлено два доклада И. И. Иоффе: по реализму – «Проблема реалистического стиля» (16 января) и по антирелигиозной группы – «Штурм неба (Джордано Бруно)» (7 февраля)[62].

Но с начала 1932 г. благоприятная для И. И. Иоффе рабочая ситуация, как кажется, начала меняться. С 5 февраля 1932 г., согласно личного заявления, от обязанностей заведующего сектором литературы был освобожден давний патрон И. И. Иоффе В. А. Десницкий[63]. Это означало пусть не полную (Институт он пока все же не оставил), но частичную утрату влиятельного покровительства. Новая общественно-идеологическая обстановка способствовало началу формирования и того феномена, который на следующие десятилетия станет неотъемлемой частью академической жизни советского образца – идеологических проработочных кампаний. В данном случае показательным кажется фрагмент из объяснительной записки, составленной для того, чтобы привести аргументы против слияния Института с Государственной академией искусствознания. В ней, в разделе о секторе литературы его положительные результаты связывались с тем, что имел место «проведенный в ГИРК методологический смотр, заставивший стать на путь разоружения представителей буржуазного литературоведения (Кржевский, Смирнов), формалистов-эклектиков (Берковский), механистов (Иоффе) и т.п.»[64]. Возможно, последнее связано было с той резкой критикой, которой в марксистском журнале в 1931 г. подверглась упоминавшаяся выше статья И. И. Иоффе «Функция и форма».

Так, И. И. Иоффе впервые за все время своей институтской службы получил клеймо «механиста», хотя, как кажется, существенно это на его работе в учреждении не сказалось. Времена еще позволяли обличать и не уничтожать. Поэтому, когда в феврале 1933 г. в Институте планировались мероприятия, приуроченные к 50-летию со дня смерти Карла Маркса, именно И. И. Иоффе было поручено подготовить один из немногих тематических докладов[65]. Доклад состоялся 26 марта[66]. Судя по

[57] Переписка и протоколы по Сектору методологии литературы и проч. // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 56. – Л. 69.
[58] Там же. Л. 69 об.
[59] Там же. Л. 3 об.
[60] Там же. Л. 71.
[61] Там же. Л. 73 об., 74 об.
[62] Переписка и материалы сектора литературы // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 79. – Л. 2, 9.
[63] Переписка по личному составу. Назначения и увольнения // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 65. – Л. 16.
[64] Распоряжения и циркуляры // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 63. – Л. 40.
[65] Распоряжения и циркуляры // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 80. – Л. 23.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

всему, каким бы механистом он ни был, а к началу 1933 г. И. И. Иоффе был одним из немногих сотрудников Института, которые могли сделать доклад, сочетающий и актуальность повестки, и научность подхода.

К этому времени И. И. Иоффе прекратил преподавательскую работу в ЛГУ и Коммунистическом университете (в ЛГПИ преподавать он продолжил), но зато стал заведующим теоретической частью ИЗОРАМА[67] – изомастерских рабочей молодежи, деятельности которых посвятит вышедшую в 1932 г. книгу[68]. С 1 марта 1932 г. И. И. Иоффе станет действительным членом (профессором) Государственного Эрмитажа, где будет работать в секторе западноевропейского искусства, методологическом секторе и отделе музыкальной культуры и техники[69]. Ряд работ будет опубликован им в 1932–1933 гг. в связи с этой службой. В Институте он по-прежнему будет сотрудником первого разряда, причем специальность его будет обозначаться шире, чем раньше, как «русская литература и искусство»[70]. Вероятно, это было связано с тем, что под влиянием работы в изомастерских и художественном музее (а так же еще в одном учреждении, о котором будет сказано чуть позже) проблематика изобразительных искусств в научном творчестве ученого с начала 1930-х гг. стала занимать все более важное место, не оттесняя на задний план его «официальную» область интересов – филологию, но занимая равное место рядом с ней.

В этой связи вполне логичным кажется, что следующая крупная монография И. И. Иоффе оказывается посвящена проблеме комплексного изучения всех видов искусства как элементов единой системы. Его «Синтетическая история искусств» с подзаголовком «Введение в историю художественного мышления» была сдана в набор 10 августа 1933 г. и вышла в свет в издательстве «ОГИЗ – ЛЕНИЗОГИЗ» без какой-либо учрежденческой шапки[71]. Ответственным редактором монографии стал Б. А. Фингерт, еще один (наряду с В. А. Десницким) из учителей И. И. Иоффе по учебе в Педагогическом институте. В Государственном институте речевой культуры, как раз осенью 1933 г., Б. А. Фингерт начал руководить организованным для сотрудников кружком по изучению диалектического материализма[72]. В личном деле И. И. Иоффе сохранилось подписанное им предисловие редактора к этой работе, называвшейся тогда «Введение в синтетическую историю искусств», в котором книга, несмотря на ряд ошибочных суждений и недочетов, признавалась «монументальным исследованием», которое «прокладывает новые пути, она богата новыми, смелыми мыслями и, вместе с тем, она написана исследователем, не кликушествующим по поводу диалектического материализма, а хорошо понимающим, как много трудностей, как много неизбежных ошибок ожидает еще нас на пути к диалектико-

[66] Производственные планы на 1933–1934 гг. // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 90. – Л. 1 об.
[67] И.И. Иоффе // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 2. – Д. 314. – Л. 1 об.
[68] Иоффе, И.И. Новый стиль. – М.; Л.: Государственное издательство изобразительных искусств, 1932.
[69] И.И. Иоффе // Архив Государственного Эрмитажа. – Ф. 1. – Оп. 13. – Д. 312. – Л. 18, 9.
[70] И.И. Иоффе // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 2. – Д. 314. – Л. 3.
[71] Иоффе, И.И. Синтетическая история искусств. Введение в историю художественного мышления. – Л.: ОГИЗ – ЛЕНИЗОГИЗ, 1933.
[72] Протоколы, отчеты обследований и списки членов СНР Лок. Бюро Ленинградского Научно-Исследовательского Институт Языкознания (Государственный Институт Речевой Культуры) // ЦГА СПб. – Ф. 6307. – Оп. 21. – Д. 196. – Л. 33 об., 39.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

материалистическому искусствознанию»[73]. Б. А. Фингерт утверждал: «Книга И. Иоффе – это методологическая работа, и конкретный материал используется автором постольку, поскольку это ему нужно для характеристики того или иного стиля»; ее автор «исходит из Ленинского понимания истины, как процесса, из Ленинского понимания развития познания как развития по спирали. Поставив перед собой задачу построить историю искусства, И. И. Иоффе целиком опирается на Ленинское учение о единстве диалектики, логики и теории познания, единстве теории и истории познания, о логике как итоге, сумме, выводе истории познания мира»; «Проблемы, которые автор поставил перед собой, настолько сложны, пути, которыми идет автор, настолько новы, и, наконец, материал, исследуемый автором настолько богат и многообразен, что некоторые ошибки в анализе конкретного материала неизбежны»[74]. Безусловно, работа над таким масштабным исследованием требовала больших затрат времени и сил, можно предполагать, что этот текст писался не без связи с тем фактом, что И. И. Иоффе находился на службе в Институте.

В 1933 г., судя по всему, его работа здесь шла, в основном, в группе антирелигиозной художественной литературы. 14 апреля он сделал здесь доклад на тему «Эсхатология у футуристов (Крученых)», суть которого в отчете о работы группы была сформулирована следующим образом: «Выявлен реакционно-классовый характер эсхатологизма футуристов, которые считали себя новаторами и передовиками»[75]. На первую половину октября был поставлен его доклад на тему «Религия и война у русских футуристов», а на вторую половину декабря – «Эсхатологизм Маяковского»[76]. Доклады соответствовали коллективной теме группы «Эсхатологизм в мировой художественной литературе» с подтемой «Религия и война»[77]. А материал нашел отражение как в более ранней монографии «Культура и стиль», так и в вышедшей к концу 1933 г. «Синтетической истории искусств». Параллельно на заседаниях группы были заслушаны, например, специальные доклады О. М. Фрейденберг «Въезд на осле в Иерусалим» и С. Я. Лурье – «Война и религия в античной литературе». Но проводились и более популярные мероприятия, так, «14 мая был проведен сверх плана вечер ознакомления с малоизвестным материалом антирелигиозной художественной литературы. Сообщения, комментарии и чтения. Лурье С. Я. “Генрих Манн. Мария (отрывки)”. Франк-Каменецкий И. Г. “Тургенев И. С. Поэма”. Советов С. С. “Красницкий Игн. Война монахов”)»[78]. Группа, таким образом, разрабатывала свой антирелигиозный материал сразу на нескольких уровнях погружения, и это было вполне закономерно. К сожалению, фрагментарная сохранность архивного фонда института (а, возможно, и недостатки его изначального документооборота) практически не позволяют нам увидеть ход и содержание научных дискуссий, ведшихся здесь. В этом отношении следует обратить внимание на одно счастливое исключение.

Уже в новых институциональных условиях, о которых будет сказано ниже, в декабре 1933 г. И. И. Иоффе выступит на институтском

[73] И.И. Иоффе // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 2. – Д. 314. – Л. 17.
[74] Там же. Л. 14-16.
[75] Переписка и материалы сектора литературы // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 96. – Л. 57.
[76] Производственные планы на 1933–1934 гг. // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 90. – Л. 11.
[77] Там же.
[78] Переписка и материалы сектора литературы // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 96. – Л. 57.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

пленуме в обсуждении доклада своего коллеги по группе антирелигиозной литературы крупнейшего гебраиста И. Г. Франк-Каменецкого. Доклад был сделан на тему «О генезисе поэтической метафоры» и в прениях И. И. Иоффе говорил: «разные классы различным образом удерживали предыдущие стадии мышления, как орудия своей власти, и если могиканам феодальной аристократии нужна была религия и магическое мышление, то наоборот – восходящая буржуазия будет решительно бороться против них <...> Вся история мышления является не преодолением предшествующих этапов, а наоборот – развертыванием по спирали, причем каждый класс развертывает свое развитие именно по спирали <...> Вся история мышления есть развитие реального познания действительности, но в то же время это развитие не идет по прямой линии, а идет путем чрезвычайной борьбы, отклонения форм в сторону утверждения в интересах господствующего класса, идеологии, искажающих познание действительности»[79]. Даже по этим коротким выдержкам понятным становится и характерный для ученого комплексный подход к рассмотрению феноменов культуры, и стремление понять их через призму эволюции человеческого мышления.

Создававшийся как советское научное учреждение и действовавший в новых условиях начала 1930-х гг. Государственный институт речевой культуры нес на себе отпечаток и нового времени. Так, важным фактором во всех советских учреждениях этого периода становилась общественная работа, также отнимавшая у сотрудников много времени и сил. Как представляется, И. И. Иоффе справлялся с ней не менее успешно, чем с работой научной. По крайней мере, выданная ему характеристика локального бюро Секции научных работников была более чем положительной. В ней говорилось: «Профессор Иоффе И. И. является в Институте ударником по линии научно-исследовательской работы Института (имеет ударное обязательство по линии соцсоревнования). Кроме своей активной научно-исследовательской работы профессор Иоффе И. И. также активно участвует и в общественно-организационной жизни Института. Профессор Иоффе И. И. активно работает членом ЛБ СНР ГИРК, являясь руководителем культурно-просветительного сектора ЛБ. Далее, профессор Иоффе И. И. провел целый ряд научно-популярных лекций на фабриках и заводах по литературе и искусствоведению. Принимал самое активное участие в организации группы по антирелигиозной художественной литературе, являясь одним из ее вдохновителей по линии научно-исследовательской работы (Настоящая бригада выполнила свой производственный план на 125 % в 1932 г. и на 100 % за первый квартал 1933 г.). Профессор Иоффе И. И. является также членом квалификационной Комиссии при ЛБ СНР ГИРК для проведения новых членов в СНР и перевода научных работников из одной должности в другую. Профессор Иоффе И. И. ведет активную деятельность и по линии издания работ Института, являясь членом Издательской комиссии ГИРКа. Все вышеизложенное дает возможность рекомендовать со стороны ЛБ СНР профессора Иоффе И. И. как одного из лучших активных общественников-ударников Института речевой культуры»[80]. В 1933 г. он даже был награжден денежной премией среди лучших ударников учреждения[81].

[79] Стенографические отчеты ЛНИЯ // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 148. – Л. 69-71.

[80] И.И. Иоффе // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 2. – Д. 314. – Л. 8.

[81] Протоколы, отчеты обследований и списки членов СНР Лок. Бюро Ленинградского Научно-Исследовательского

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

Впрочем, обстановка для Института и его сотрудников становилась в этот период все более тревожной.

Еще 17 декабря 1932 г. в Локальное бюро Секции научных работников И. И. Иоффе подал заявление следующего содержания: «Ввиду того, что во всех учреждениях, в которых я сотрудничаю, я числюсь профессором, прошу перевести меня в соответствующую квалификацию и в ГИРКе»[82]. С учетом приведенной выше хвалебной характеристики можно было бы предполагать успех дела. И, действительно, первая виза на документе была в общем-то положительной, она гласила: «Поддерживаю без повышения оклада», а вот вторая, датированная 10 января 1933 г., указывала: «Временно воздержаться»[83]. И дело здесь было не в каких-то претензиях начальства к ученому. Дело в том, что судьба самого Института с самого начала его создания висела на волоске. Впервые решение о его ликвидации было принято еще в марте 1931 г.[84] Тогда институт удалось отстоять, но в конце 1933 г. он все же был ликвидирован. На базе лингвистического сектора создали отдельный научно-исследовательский институт, а вот судьба литературоведов была более сложной.

Еще 4 февраля 1931 г. в Государственном институте истории искусств, основанном еще до революции по инициативе искусствоведа и мецената графа В. П. Зубова и переживавшем в этот период коренную ломку советизации, состоялся доклад присланного из Москвы тов. Челяпова о реорганизации этого института и превращении его в Государственную академию искусствознания (ГАИСК). Было заявлено, что в Ленинградском отделении ГАИСК будет функционировать и литературный сектор: «Для организации его и в целях устранения параллелизма предполагается закрытие Сектора Методологии литературы в ГИРКе и передача его работников (целиком или частично) ГАИСКу»[85]. Это было тем проще, что с момента своего создания Государственный институт речевой культуры располагался в том же самом здании (особняке Зубовых) на Исаакиевской площади (тогда – площади Воровского), д. 5, в котором с 1913 г. находился и Институт истории искусств. В истории учреждения начался очередной период трансформаций.

Еще 17 февраля 1933 г. датирована докладная записка от заведующих институтскими секторами языка (Л. П. Якубинским) и подготовки (О. М. Фрейденберг), пересланная в Наркомпрос временно исполняющим обязанности директора Института С. Л. Энтиным (сам директор, академик Н. С. Державин отбыл в этот решающий для вверенного ему учреждения момент в длительную заграничную командировку). В ней, в частности, говорилось: «Уже в течение более чем двух лет идут разговоры о слиянии, закрытии, реорганизации ГИРК (ЛИЯЛ). Такое положение вещей совершенно нетерпимо, так как дезорганизует работу Института, дезориентирует его работников – крупных специалистов языковедов и литературоведов, лишая их уверенности в завтрашнем днем. Такому положению вещей нужно немедленно по-

Институт Языкознания (Государственный Институт Речевой Культуры) // ЦГА СПб. – Ф. 6307. – Оп. 21. – Д. 196. – Л. 24, 25.

[82] И.И. Иоффе // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 2. – Д. 314. – Л. 4.

[83] Там же.

[84] Брагинская, Н.В. Siste, Viator! (Предисловие к докладу О.М. Фрейденберг «О неподвижных сюжетах и бродячих теоретиках»). С. 249.

[85] Материалы по чистке аппарата // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 48. – Л. 39.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

ложить конец»[86]. И Наркомпрос, действительно, прислушался к обращению руководства Института, хотя и не совсем немедленно, и совсем не так, как оно хотело бы.

13 марта 1933 г. датируется выписка из приказа по Наркомпросу № 119, в соответствии с которым целесообразным признается объединить Научно-исследовательский институт языкознания в Москве и Государственный институт речевой культуры в Ленинграде в единый Институт языкознания с местом пребывания в Ленинграде на основании постановления совзамов Наркомпроса от 9 марта и постановления Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции РСФСР о штатах и структуре Института[87]. Но и на этом реформаторский пыл руководителей Наркомпроса не остыл. Окончательно судьба Института была решена в начале осени 1933 г.

1 сентября 1933 г. по сектору науки Наркомпроса было принято Распоряжение № 63, которое констатировало, что по решению Совнаркома РСФСР Государственный институт речевой культуры реорганизуется в Ленинградский государственный лингвистический институт. Сектор же литературы из него передается в систему Государственной академии искусствознания и сливается с ее литературной секцией. Сроком выполнения было определено 15 сентября 1933 г.[88] Соответствующее решение Наркомпроса было доведено до сотрудников Института сразу после окончания летних вакаций 8 сентября того же года приказом № 1 за подписью исполняющего обязанности директора Института Л. П. Якубинского. Он сообщал, что по решению Совнаркома РСФСР Государственный институт речевой культуры преобразуется в Ленинградский государственный лингвистический институт и передается в систему Ленинградского историко-лингвистического института (недавно созданного на базе выделенных из Ленинградского университета гуманитарных факультетов) с непосредственным подчинением сектору науки Наркомпроса. Условия взаимоотношений двух институтов утверждаются по проекту, представленному их директорами. Сектор литературы передается в систему Государственной академии искусствознания и сливается с ее литературной секцией. Тем же приказом и в связи с реорганизацией с 10 сентября 1933 г. из Института отчислялись литературоведы М. К. Азадовский, Н. П. Андреев, В. А. Десницкий, С. Я. Лурье, В. Е. Максимов-Евгеньев, В. В. Буш, П. Н. Берков, М. К. Клеман, Т. Н. Петухова[89].

16 сентября 1933 г. Л. П. Якубинский сообщал в этой связи: «В результате решения комиссии мною были отчислены от Института те литературоведы, которые совмещали работу в ГАИС и в ГИРК и получали в ГАИС зарплату (за исключением нескольких человек, получавших в ГАИРК и в ГАИС по полставки и крайне необходимых ГАИС для организации работы); всего вовсе отчислено 9 человек и 6 единиц-ставок». Как мы уже видели, в числе этих 9 И. И. Иоффе не было[90]. А «отчисленный» В. А. Десницкий, действительно, с декабря 1932 по июнь 1933 г. заведовал сектором литературове-

[86] Переписка и материалы по реорганизации института // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 97. – Л. 2. Сама записка – Л. 2-10.
[87] Там же. Л. 19.
[88] Распоряжения и циркуляры // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 80. – Л. 99.
[89] Приказы // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 81. – Л. 18.
[90] Распоряжения и циркуляры // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 80. – Л. 102, 106; Списки и переписка по личному составу // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 83. – Л. 63.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

дения ГАИС, с июня 1933 г. оставшись там старшим научным сотрудником.

При этом, несмотря на эти смелые кадровые решения, полной ясности у институтского руководства не было даже относительно того, как теперь называется новосозданный институт. 22 октября 1933 г. Л. П. Якубинского писал в управление университетов и научно-исследовательских учреждений Наркомпроса о том, что в распоряжении по сектору науки от 1 сентября 1933 г. новый институт назван Ленинградским государственным лингвистическим институтом. В проекте же реорганизации от марта 1932 г. он именовался Ленинградским научно-исследовательским институтом языкознания. В этой связи исполняющий обязанности директора просил разъяснит, «какое из названий окончательно закрепляется за Институтом. Дирекция и общественные организации института предпочли бы Ленинградский научно-исследовательский институт языкознания, в частности, по следующим причинам: а) во избежание смешения Института с институтами типа ВУЗов, б) во избежание смешения в частности с Ленинградским государственным историко-лингвистическим институтом, в системе которого будет существовать наш институт»[91]. Московское руководство разъяснило, и 31 октября 1933 г. Л. П. Якубинским был подписан приказ № 4, объявлявший: «по соглашению с Наркомпросом предлагаю впредь именовать ЛГЛИ следующим образом: Ленинградский научно-исследовательский лингвистический институт (сокращенно: Л.Н.-И.Л.И.)»[92]. Впрочем, тут же выяснилось, что Наркомпрос поспешил согласовать новое название. И 5 ноября 1933 г. приказом № 5 все тот же Л. П. Якубинский был вынужден отменять собственный же приказ № 4, т.к. оказалось, что еще 28 октября 1933 г. по Наркомпросу был издан приказ № 554 о именовании впредь ЛГЛИ Научно-исследовательским институтом языкознания[93], с уточнением – Ленинградский[94]. Так, Государственный институт речевой культуры ушел в прошлое, но и в его (частичном) преемнике – Научно-исследовательском институте языкознания – служба И. И. Иоффе еще какое-то время продолжалась.

Хотя и занимаясь вопросами, весьма далекими от языкознания, И. И. Иоффе не попал в число литературоведов, причисленных к Государственной академии искусствознания, а остался на службе в Научно-исследовательском институте языкознания. При этом надо отметить, что он и так уже работал в Государственном институте истории искусств (в ходе разгрома которого и возникла та самая недолго просуществовавшая под таким названием академия) – с 1 января 1930 г. И. И. Иоффе числился там сотрудником комитета современного изобразительного искусства с половинным окладом[95]. Поступление на новое место службы практически совпало с переездом в одно здание с ним места службы старого.

В Научно-исследовательском институте языкознания И. И. Иоффе продолжал служить на ставке штатного профессора[96] (в нее еще в феврале 1933 г. была преобразована его ставка штатного старшего научного сотрудника)[97], а с октября 1933 г. – действительного члена Инсти-

[91] СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 97. – Л. 28.
[92] Приказы // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 81. – Л. 23.
[93] Там же. Л. 24.
[94] Распоряжения и циркуляры // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 80. – Л. 138.
[95] И.И. Иоффе // Архив Российского института истории искусств. – Ф. Личный состав. – Д. 105. – Л. 6.
[96] Списки и переписка по личному составу // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 83. – Л. 67, 70, 77.
[97] Там же. Л. 23, 30.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

тута[98]. Причем, если в персональном списке сотрудников за первую половину 1933 г. его специальность была обозначена как «русская литература»[99], то на 15 сентября 1933 г. она была уже скорректирована в сторону более приемлемой для лингвистического учреждения – «поэтика»[100]. Впрочем, эти ухищрения с переназыванием специальностей не слишком помогли сохранить штаты Института.

Попытки государства сэкономить на расходах, связанных с содержанием гуманитарного научного учреждения без четко выраженной пользы для народного хозяйства, совпали на рубеже 1933–1934 гг. с возвращением к упраздненной сразу же после революции системе ученых степеней и званий. Распоряжением № 5 по институту от 25 января 1934 г. объявлялось, что в связи с общим сокращением штатов с 37,5 до 27 единиц (распоряжение Наркомпроса от 11 января с.г.), а также специальным сокращением по некоторым секциям (распоряжение Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции от 26 декабря 1933 г.) с 25 января 7 человек из числа сотрудников снимались с оплаты и переводились в разряд сверхштатных работников. В их числе оказался и действительный член секции художественной речи И. И. Иоффе. Вообще, именно эта секция пострадала от сокращений сильнее всего, т.к. из нее же сверхштата были переведены и действительный член И. Г. Франк-Каменецкий, а также старший научный сотрудник А. А. Бескина. Для сравнения, по русской секции и секции общего языкознания в сверхштатные попали по два, а не три сотрудника[101].

Явно в связи с этим же стояло и другое распоряжение по институту за № 8 от 7 февраля 1934 г. В нем говорилось: «В составе сверхштатных сотрудников ЛНИЯ, список которых не пересматривался после реорганизации ГИРК, до сих пор числится ряд литературоведов, ряд лингвистов, из не принимающих на деле участия в работе Института или не необходимых Институту в его работе. Ввиду необходимости урегулировать вопрос о сверхштатных сотрудниках: 1) Объявляю весь состав сверхштатных сотрудников отчисленным от Института с 10 февраля, 2) предлагаю заведующим секциями представить в десятидневный срок для зачисления в состав сверхштатных сотрудников тех товарищей, которые действительно необходимы секциям и будут активно участвовать в их работе …»[102]. Так что не успел И. И. Иоффе попасть в число сверхштатных сотрудников, как оказался (на какое-то время) вовсе уволенным из Института.

21 марта 1934 г. по представлению секции общего языкознания сверхштатными действительными членами Института с 10 февраля 1934 г. были зачислены некоторые из недавно уволенных, в частности: Н. Н. Поппе, И. Г. Франк-Каменецкий и И. И. Иоффе, а сверхштатными научными сотрудниками: А. А. Бескина и Ю. К. Шуцкий[103]. Сообщая об этом новоизбранным недавно уволенным, директорат Института выражал «надежду, что Вы и впредь будете принимать активное участие в

[98] Распоряжения и циркуляры // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 80. – Л. 131 об.-132
[99] Списки и переписка по личному составу // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 83. – Л. 6.
[100] Там же. Л. 53 об.-54.
[101] Переписка по личному составу. Назначения и увольнения // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 102. – Л. 8.
[102] Там же. Л. 12. Разбивка оригинала на абзацы не сохраняется.
[103] Там же. Л. 32.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

работах Института»[104]. Последний раз в качестве сверхштатного действительного члена И. И. Иоффе упоминается в списке сотрудников на 1 января 1935 г.[105] В списке на 19 мая 1935 г. его уже нет[106]. Пока приказ о его увольнении обнаружить не удалось, можно сделать лишь предположение относительного того, когда именно в первой половине 1935 г. закончилась его служба в Институте.

Возможно, это было связано с полученным в Институте 17 марта 1935 г. приказом по Наркомпросу за № 202 от 13 марта 1935 г., по которому Ленинградский научно-исследовательский институт языкознания надлежало влить в систему Ленинградского историко-философского института с сохранением самостоятельного титула, бюджета, штатов и т.д.[107] Возможно, что свою роль сыграло и возвращение системы научной гратификации. 29 ноября 1934 г. из сектора университетов Наркомпроса в Институт пришла бумага, напоминавшая, что в соответствии Постановлением Совнаркома СССР от 13 января 1934 г. «Об ученых степенях и званиях», должности профессоров и доцентов вуза, действительного члена или старшего научного сотрудника научно-исследовательского института могут занимать только лица, утвержденные в этих званиях соответствующими органами (профессора или действительного члена – до июня 1933 г. Государственным ученым советом, после – Высшими аттестационными комиссиями Наркомпроса или Комитета по высшему техническому образованию, а доцента или старшего научного сотрудника – сектором кадров Наркомпроса или соответствующим управлением Наркомпроса). Поэтому до 10 февраля 1935 г. необходимо было оформить соответствующим образом научный персонал: представив к утверждению всех, кто не был еще утвержден, и представив списки тех, кто был утвержден, сопроводив их на каждого пакетом из 7 документов[108]. У И. И. Иоффе ученой степени еще не было, в должности действительного члена он также не был утвержден (как отмечалось вышел, в 1928 г. Государственным ученым советом он был утвержден научным сотрудником первого разряда с половинным окладом). Вполне возможно, он просто решил, что сверхштатная (т.е., неоплачиваемая) работа не стоит хлопот с утверждением и сбором документов. А, возможно, такое решение принял Институт.

Судя по всему, очередной пертурбации Института сотрудничество с ним уже сверхштатного действительного члена могло и не выдержать. Его научная и преподавательская деятельность сконцентрировались в этот период вновь в родном ЛГПИ и Государственной академии искусствознания. В этих учреждениях он продолжит служить вплоть до рубежа 1930–1940-х гг. Они как раз и инициируют процессы, связанные с присуждением И. И. Иоффе ученых званий и степеней.

Как видим, учреждение, в котором И. И. Иоффе прослужил почти восемь лет (с 1927 по 1935 гг.), представляло собой один из наиболее интересных центров гуманитарной мысли Ленинграда рассматриваемого периода. Ученые совершенно разных методологических установок, как минимум в ранний период службы здесь И. И. Иоффе, могли в общем про-

[104] Переписка по личному составу// СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 104. – Л. 22.
[105] Переписка по личному составу // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 121. – Л. 2 об.
[106] Там же. Л. 4 об.
[107] Распоряжения и циркуляры // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 118. – Л. 8.
[108] Распоряжения и циркуляры // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 100. – Л. 79.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

странстве высказывать свои идеи, обмениваться мнениями, дискутировать. Именно на рассматриваемый период приходится время написания И. И. Иоффе центральной для его научного творчества монографии – «Синтетической истории искусств». Интеллектуальный контекст института кажется важным для понимания условий формирования высказанных в ней идей. Не менее важным для биографии ученого кажется и вновь давшее о себе знать здесь покровительство В. А. Десницкого, с которым явно и был связан приход И. И. Иоффе в Институт. Наконец, близость (как минимум пространственная) с Институтом истории искусств, сформировавшаяся на последнем этапе службы И. И. Иоффе в Институте, обеспечила его местом службы на все 1930-е гг., а новый интеллектуальный контекст определил и дополнение сферы научных интересов новой областью – активно разрабатывавшимся в Институте истории искусств киноведением, которому будут посвящены его монографии второй половины 1930-х гг.

Список литературы

Иоффе, И.И. Культура и стиль. Система и принципы социологии искусств. Литература, живопись, музыка натурального, товарно-денежного, индустриального хозяйства. – Л.: Прибой, 1927. – 366 с.

Brandist, C. The Institute for the Comparative History of the Literatures and Languages of the West and East (ILIaZV) // Central and Eastern European Literary Theory and the West. – Berlin; Boston: De Gruyter, 2022. – P. 152–163.

Прозорова, Е.И. Литературно-библиографическая деятельность Научно-исследовательского института сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока (1921–1930 гг.) // Библиотековедение. – 2010. – № 3. – С. 38–44.

Скворцов, А.М. Классическая филология в Институте сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока: Институциональный аспект // Индоевропейское языкознание и классическая филология. – 2023. – № 27-2. – С. 1049–1066.

Brandist, C. Sociological Linguistics in Leningrad: The Institute for the Comparative History of the Languages and Literatures of the West and East (ILIaZV) 1921–33 // Russian Literature. – 2008. – Vol. 63. Pt. 2–4. – P. 171–200.

Дружинин, П.А. Изучение русской литературы XVIII века в 1920-е годы (Группа XVIII века в ИЛЯЗВ и ГИРК) // Русская литература. – 2015. – № 2. – С. 230–241.

Купайгородская, А.П. Недолгая жизнь Исторического научно-исследовательского института в Петроградском университете (1921–1923 гг.) // Страницы российской истории. Проблемы, события, люди. Сборник статей в честь Бориса Васильевича Ананьича. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – С. 302–308.

Производственный план на 1927/28 год // ЦГАЛИ СПб. – Ф. 288. – Оп. 1. – Д. 39. – 99 л.

Материалы по чистке аппарата // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 48. – 46 л.

И.И. Иоффе // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 2. – Д. 102. – 12 л.

Десницкий В.А. Материалы к биографии // Музей истории РГПУ им. А.И. Герцена. – Д.-8 (Десницкий В.А.). – 100 л.

И.И. Иоффе // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 2. – Д. 314. – 18 л.

Десницкий, В.А. (1925). Предисловие // Введение в изучение искусства и литературы. Сборник статей и отрывков из произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. Плеханова, В. Ленина, К. Каутского и Ф. Меринга. Составил В.А. Десницкий. – Л.: Государственное издательство, 1925. – С. 3–5.

Отчеты о работе института по секциям и индивидуальные отчеты научных сотрудников за 1926/27 годы // ЦГАЛИ СПб. – Ф. 288. – Оп. 1. – Д. 28. – 106 л.

Брагинская, Н.В. Siste, Viator! (Предисловие к докладу О.М. Фрейденберг «О неподвижных сюжетах и бродячих теоретиках») // Одиссей. Человек в истории. – М.: Наука, 1995. – С. 244–271.

Брагинская, Н.В. О работе О.М. Фрейденберг «Система литературного сюжета» // Тыняновский сбор-

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

ник. Вторые Тыняновские чтения. – Рига: Зинатне, 1986. – С. 272-283.

В.А. Десницкий // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 2. – Д. 78. – 15 л.

Список научных сотрудников // ЦГАЛИ СПб. – Ф. 288. – Оп. 2. – Д. 19. – 43 л.

Переписка с Российской ассоциацией научно-исследовательских институтов общественных наук о назначении и перемещении сотрудников // ЦГАЛИ СПб. – Ф. 288. – Оп. 2. – Д. 21. – 88 л.

Алпатов, В.М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. – М.: Издательский дом ЯСК, 2005. – 432 с.

Брагинская, Н.В. Между свидетелями и судьями. Реплика по поводу книги В.М. Алпатова. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М. Языки славянских культур, 2005. URL: http://freidenberg.ru/sites/freidenberg.ru/files/mezhdu_svideteljami_i_sudjami.doc (дата образения: 06.08.2025).

Протоколы заседаний Ученого Совета факультета // ЦГА СПб. – Ф. 7240. – Оп. 14. – Д. 1319. – 94 л.

Списки и сведения по личному составу // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 39. – 59 л.

Годовой отчет за 1929–1930 гг. // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 49. – 75 л.

Иоффе, И.И. Функция и форма // Литература и искусство. Журнал марксистской критики и литературоведения. – 1931. – № 2-3. – С. 68–76.

Переписка и протоколы по Сектору методологии литературы и проч. // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 56. – 91 л.

Переписка и материалы сектора литературы // СПбФ АРАН. Ф. 302. Оп. 1. Д. 79. 69 л.

Переписка по личному составу. Назначения и увольнения // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 65. – 111 л.

Распоряжения и циркуляры // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 63. – 139 л.

Распоряжения и циркуляры // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 80. – 177 л.

Производственные планы на 1933–1934 гг. // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 90. – 41 л.

Иоффе, И.И. Новый стиль. – М.; Л.: Государственное издательство изобразительных искусств, 1932. – 156 с.

И.И. Иоффе // Архив Государственного Эрмитажа. – Ф. 1. – Оп. 13. – Д. 312.

Иоффе, И.И. Синтетическая история искусств. Введение в историю художественного мышления. – Л.: ОГИЗ – ЛЕНИЗОГИЗ, 1933. – 568 с.

Протоколы, отчеты обследований и списки членов СНР Лок. Бюро Ленинградского Научно-Исследовательского Институт Языкознания (Государственный Институт Речевой Культуры) // ЦГА СПб. – Ф. 6307. – Оп. 21. – Д. 196. – 44 л.

Переписка и материалы сектора литературы // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 96. – 61 л.

Стенографические отчеты ЛНИЯ // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 148. – 100 л.

Переписка и материалы по реорганизации института // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 97. – 28 л.

Приказы // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 81. – 26 л.

И.И. Иоффе // Архив Российского института истории искусств. – Ф. Личный состав. – Д. 105. – 9 л.

Списки и переписка по личному составу // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 83. – 80 л.

Переписка по личному составу. Назначения и увольнения // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 102. – 68 л.

Переписка по личному составу// СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 104. – 101 л.

Переписка по личному составу// СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 121. – 26 л.

Распоряжения и циркуляры // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 118. – 17 л.

Распоряжения и циркуляры // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 100. – 84 л.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

DOI: 10.52173/2079-1100_2025_3_58

Vitaly G. ANANIEV

| I. I. Ioffe in The Institute for the Comparative History of the Literatures and Languages of the West and East / The State Institute for Discursive Culture (1927–1933) (Upon the Archival Materials) |

Vitaly G. ANANIEV

Herzen State Pedagogical University of Russia
48, Moika Emb., Saint Petersburg, Russian Federation, 191186
Professor of the Department of Art History and Art Education
Doctor of Science in Culturology
ORCID: 0000-0001-7413-6339
E-mail: vgananev@herzen.spb.ru

I.I. IOFFE IN THE INSTITUTE FOR THE COMPARATIVE HISTORY OF THE LITERATURES AND LANGUAGES OF THE WEST AND EAST / THE STATE INSTITUTE FOR DISCURSIVE CULTURE (1927–1933) (UPON THE ARCHIVAL MATERIALS)*

The article examines an episode from the academic biography of Ieremia Isayevich Ioffe (1888–1947), a prominent Russian art historian and art theorist, and one of the immediate forerunners of Russian culturology. The author focuses on I.I. Ioffe's service at the Institute for the Comparative History of the Literature and Languages of the West and East / the State Institute for the Discursive Culture in 1927–1933. This research institute was one of the most important centers of humanitarian science in Leningrad and brought together scholars with various methodological backgrounds and views who worked on common research topics. In 1927, the institute began to actively undergo the process of Sovietization, which raised the issue of strengthening its staff with Marxist cadres. In this context, I.I. Ioffe became a first-class research fellow at the institute, which was probably due to the invitation of his teacher and patron V.A. Desnitsky to a leadership position there. The author of the article, relying on materials from the Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg (TsGALI SPb), the Central State Archive of St. Petersburg (TsGA SPb), the St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences and some other archives, reconstructs the activities of I.I. Ioffe at this institute.

Keywords: I. I. Ioffe, the Institute for the Comparative History of the Literatures and Languages of the West and East, the State Institute for Discursive Culture, V. A. Desnitsky, culturology, history of culturology.

** The study was supported by an internal grant from the Herzen State Pedagogical University of Russia.*

References

Ioffe I.I (1927). Kultura i stil'. Sistema i principy sociologiii iskusstv. Literatura, zhivopis', muzyka naturalnogo, tovarno-denezhnogo, industrialnogo khozyaistva [Culture and Style. System and principles of art sociology. Literature, painting, music of natural, commodity-money, industrial economy]. Priboy. (In Russian).

Brandist C. (2022). The Institute for the Comparative History of the Literatures and Languages of the West and East (ILIaZV). Central and Eastern European Literary Theory and the West. De Gruyter, 152-163.

Prozorova E.I. (2010). Literaturno-bibliographicheskaya deyatel'nost' Nauchno-issledovatel'skogo instituta sravnitel'noy istorii literatur i yazykov Zapada i Vostoka (1921–1930 gg.) [Literature and Bibliographical activities of the Research Institute of comparative history of East and West literature and languages (1921–1930)], Bibliotekovedenie, 3, 38–44. (In Russian).

Skvortsov A.M. (2023). Klassicheskaya filologia v instituta sravnitel'noy istorii literatur i yazykov Zapada i Vostoka: Institucionalny aspekt [Classical philology at the Institute of the Comparative History of Literature and Languages of the West and East: An institutional perspective], Indoevropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya philologiya, 3, 1049–1066. (In Russian).

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

Brandist C. (2008). Sociological Linguistics in Leningrad: The Institute for the Comparative History of the Languages and Literatures of the West and East (ILIaZV) 1921–33. Russian Literature, 63, 2–4, 171–200.

Druzhinin P.A. (2015). Izuchenie russkoy literatury XVIII veka v 1920-e gody (Gruppa XVIII veka v ILYAZV i GIRK) [The researching of Russian literature of 18th century in 1920s (The Group of 18th century in ILYAZV and GIRK)], Russkaya literatura, 2, 230–241. (In Russian).

Kupaygorodskaya A.P. (2003). Nedolgaya zhizn' Istoricheskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta v Petrogradskom universitete (1921–1923) [The short life of Historical research institute at Petrograd University (1921–1923)], Stranicy rossiyskoy istorii. Problemy, sobytiya, lyudi. Sbornik statey v chest' Borisa Vasilievicha Anan'icha. Dmitry Bulanin. (In Russian).

Proizvodstvenny plan na 1927/28 god [Plan of works for 1927/28]. TsGALI SPb. F. 288. Op. 1. D. 39. 99 l. (In Russian).

Materialy po chistke apparata [Materials on the purge of staff]. SPbF ARAN. F. 302. Op. 1. D. 48. 46 l. (In Russian).

I. I. Ioffe [I. I. Ioffe]. SPbF ARAN. F. 302. Op. 2. D. 102. 12 l. (In Russian).

Desnitsky V.A. Materialy k biografii [V.A. Desnitsky. Materials concerning his biography]. Muzey istorii RGPU im. A.I. Gerzena. D-8 (Desnitsky V.A.). 100 l. (In Russian).

I. I. Ioffe [I. I. Ioffe]. SPbF ARAN. F. 302. Op. 2. D. 314. 18 l. (In Russian).

Desnitsky V.A. Predislovie [Foreword]. Vvedenie v izuchenie iskusstva i literatury. Sbornik statey i otryvkov iz proizvedeniy K. Marksa, F. Engelsa, G. Plekhanova, V. Lenina, K. Kautskogo i F. Meringa. Sostavil V.A. Desnitsky. Gosudarstvennoe izdatel'stvo, p. 3-5. (In Russian).

Otchety o rabote instituta po sekcijam i individual'nye otchety nauchnyckh sotridnikov za 1926/27 gody [The work reports on the work of the Institute's sections and it's individual workers in 1926/27]. TsGALI SPb. F. 288. Op. 1. D. 28. 106 l. (In Russian).

Braginskaya N.V. (1995). Siste, Viator! (Predislovie k dokladu O.M. Freydenberg "O nepodviznykh syuzhetach i brodyachich teoretikakh") [Siste, Viator! The foreword to the report of O.M. Freydenberg "On static plots and movable theoreticians"]. Odyssey. Chelovek v istorii. Nauka, 244–271. (In Russian).

Braginskaya N.V. (1986). O rabote O.M. Freydenberg "Sistema literaturnogo sjuzheta" [On the work of O.M. Freydenberg "The system of plot in literature"]. Tynyanovsky Sbornik. Vtorye Tynaynovskie chtenia. Zinatne, 272–283. (In Russian).

Desnitsky V.A. [Desnitsky V.A.]. SPbF ARAN. F. 302. Op. 2. D. 78. 15 l. (In Russian).

Spisok nauchnykh sotrudnikov [The list of researchers]. TsGALI SPb. F. 288. Op. 2. D. 19. 43 l. (In Russian).

Perepiska s Rossiyskoy associaciey nauchno-issledovatelskikh institutov obschestvennykh nauk o naznachenii i peremeschenii sotrudnikov [The letters from and to the Russian association of research institutes of humanities concerning appointments and displacements of staff]. TsGALI SPb. F. 288. Op. 2. D. 21. 88 l. (In Russian).

Alpatov V.M. (2005). Voloshinov, Bakhtin i lingvistika [Voloshinov, Bakhtin and linguistics]. Izdatelsky dom YASK. (In Russian).

Braginskaya N.V. (2006). Mezhdu svidetelyami i sud'jami. Replika po povodu knigi V.M. Alpatova. Voloshinov, Bakhtin i lingvistika. M. Yazyki slavyanskikh kultur, 2005. URL: http://freidenberg.ru/sites/freidenberg.ru/files/mezhdu_svideteljami_i_sudjami.doc (accessed: 06.08.2025) (In Russian).

Protocoly zasedaniy Uchenogo Soveta fakulteta [The proceedings of Academic Council of Faculty]. TsGA SPB. F. 7240. Op. 14. D. 1319. 94 l. (In Russian).

Spiski i svedeniya po lichnomu sostavu [The lists of and information on human resources]. SPbF ARAN. F. 302. Op. 1. D. 39. 59 l. (In Russian).

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

 DOI: 10.52173/2079-1100_2025_3_58

Vitaly G. ANANIEV

| I. I. Ioffe in The Institute for the Comparative History of the Literatures and Languages of the West and East / The State Institute for Discursive Culture (1927–1933) (Upon the Archival Materials) |

Godovoj otchet za 1929–1930 gg. [The annual report for 1929–1930]. SPbF ARAN. F. 302. Op. 1. D. 49. 75 l. (In Russian).

Ioffe I.I. (1932). Funkcija i forma [Function and form]. Literatura i iskusstvo. Zhurnal marksistskoy kritiki i literaturovedenija, 2-3, 68–76. (in Russian).

Perepiska i protokoly po Sektoru metodologii literatury i proch. [The letters and protocols of the Methodological sector, etc]. SPbF ARAN. F. 302. Op. 1. D. 56. 91 l. (In Russian).

Perepiska i materialy sektora literatury [The letters and materials of the Methodological sector]. SPbF ARAN. F. 302. Op. 1. D. 79. 69 l. (In Russian).

Perepiska po lichnomu sostavu. Naznacheniya i uvol'neniya [The letters on human resources. Dynamics]. SPbF ARAN. F. 302. Op. 1. D. 65. 111 l. (In Russian).

Rasporyazheniya i cirkulyary [Orders and circulars]. SPbF ARAN. F. 302. Op. 1. D. 63. 139 l. (In Russian).

Rasporyazheniya i cirkulyary [Orders and circulars]. SPbF ARAN. F. 302. Op. 1. D. 80. 177 l. (In Russian).

Proizvodstvennye plany na 1933–1934 gg. [The plans of work for 1933–1934]. SPbF ARAN. F. 302. Op. 1. D. 90. 41 l. (In Russian).

Ioffe I.I. (1932). Novyi stil' [New style]. Gosudarstvennoe izdatelstvo izobrazitel'nykh iskusstv. (In Russian).

I. I. Ioffe [I. I. Ioffe]. Archiv Gosudarstvennogo Ermitazha. F. 1. Op. 13. D. 312. (In Russian).

Ioffe I.I. (1933). Sinteticheskaya istorija iskusstv. Vvedenie v istoriju khudozhestvennogo myshleniya [The synthetic history of arts. Introduction to the history of art consciousness]. OGIZ-LENOGIZ. (In Russian).

Protokoly, otchyoty obsledovaniya i spiski chlenov SNR Lok. Byuro Leningradskogo Nauchno-issledovatelskogo Instituta Yazykoznaniya (Gosudarstvenny Institut Rechevoy Kul'tury) [Proceedings, examination reports and lists of members locale office of SNR at Leningrad Research Institute of Language Studies (State Institute of Discursive Culture)]. TsGA SPb. F. 6307. Op. 21. D. 196. 44 l. (In Russian).

Perepiska i materialy sektora literatury [The letters and materials of the Sector of literature]. SPbF ARAN. F. 302. Op. 1. D. 96. 61 l. (In Russian).

Stenograficheskie otchety LNIYA [The stenographic accounts of LNIYA]. SPbF ARAN. F. 302. Op. 1. D. 148. 100 l. (In Russian).

Perepiska i materialy po reorganizacii instituta [The letters and materials concerning the reorganization of the Institute]. SPbF ARAN. F. 302. Op. 1. D. 97. 28 l. (In Russian).

Prikazy [The orders]. SPbF ARAN. F. 302. Op. 1. D. 81. 26 l. (In Russian).

I. I. Ioffe [I. I. Ioffe]. Archiv Rossiyskogo Instituta Istorii Iskusstv. F. Lichny sostav. D. 105. 9 l. (In Russian).

Spiski i svedeniya po lichnomu sostavu [The lists of and information on human resources]. SPbF ARAN. F. 302. Op. 1. D. 83. 80 l. (In Russian).

Perepiska po lichnomu sostavu. Naznacheniya i uvol'neniya [The letters on human resources. Dynamics]. SPbF ARAN. F. 302. Op. 1. D. 102. 68 l. (In Russian).

Perepiska po lichnomu sostavu [The letters on human resources]. SPbF ARAN. F. 302. Op. 1. D. 104. 101 l. (In Russian).

Perepiska po lichnomu sostavu [The letters on human resources]. SPbF ARAN. F. 302. Op. 1. D. 121. 26 l. (In Russian).

Rasporyazheniya i cirkulyary [Orders and circulars]. SPbF ARAN. F. 302. Op. 1. D. 118. 17 l. (In Russian).

Rasporyazheniya i cirkulyary [Orders and circulars]. SPbF ARAN. F. 302. Op. 1. D. 100. 84 l. (In Russian).

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.